
Н. С. РОЗОВ

СЛОЖНОСТЬ И ПРОСТОТА ЯЗЫКОВ: СОЦИАЛЬНО-ЭВОЛЮЦИОННОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

В статье объясняются завершающие стадии глоттогенеза (появление синтаксиса и грамматики), а также дальнейшее расхождение языков в сторону усложнения или простоты. Усложнение было связано с «новой экономикой» верхнего палеолита, иерархизацией, практиками публичных речей. Простота языка объясняется на примере амазонского племени пираха, принявшего особую культурно-ментальную стратегию, которая блокировала драйверы языкового усложнения.

Ключевые слова: языковая сложность, простота языка, глоттогенез, верхний палеолит, социальные порядки, вызовы и ответы, стратегии идентичности, коммуникативные заботы.

Системная сложность/простота языков

Языки явно различаются между собой по сложности и простоте, но при ближайшем рассмотрении формализовать этот параметр весьма затруднительно. Одни сферы знаковых средств (например, этноботаническая лексика, эвиденциальные маркеры, падежи существительных) в условном языке *A* могут быть гораздо сложнее и многообразнее, чем в языке *B*, но у последнего другие сферы средств (техническая лексика, рекурсивные конструкции, времена глаголов) могут существенно превосходить по сложности соответствующие сферы языка *A*. Иными словами, языковая сложность распадается на множество показателей, и каждый язык может занимать разные места в разных шкалах.

Далее будем ориентироваться на понятие *системной сложности* языка по Эстену Далю как сложности системы предписаний, определяющей, как на нем допустимо выражать какое-либо содержание (Даль 2009: 79).

Грубо говоря, системная сложность языка тем больше, чем больше в нем отдельных типов конструкций, различимых единиц выражения, единиц содержания (семантических значений), а также неявных предписаний использования всех этих средств для полу-

чения «правильных» высказываний. В общем случае на языке с большей системной сложностью можно с большей точностью выразить более сложное смысловое содержание и передать его реципиенту, причем не владеющему контекстом (!).

Системно простой язык хорошо приспособлен для общения собеседников, обладающих общим контекстом, но если реципиент не ориентируется в теме, ситуации, обстоятельствах, то передать ему точный смысл сообщения на простом языке крайне затруднительно, если вообще возможно.

Базовая объяснительная концепция

Происхождение любых языковых конструкций (и соответствующих речевых способностей членов языкового сообщества) объясняется как складывание структур разной природы (от сочетаний звуков до нейронных связей в речевых зонах мозга говорящих), обеспечивающих коммуникативные заботы, направленные на передачу и понимание сообщений.

Языковые конструкции складываются благодаря систематическим речевым прогам, ритуалам переименования и отгадывания (Розов 2021), где появляющиеся новации подвергаются строгому отбору, отсеиванию по критериям произносимости, возможностей распознавания смысла, запоминаемости, успеха в передаче новым поколениям.

Коммуникативные заботы меняются, появляются, накапливаются в связи со сдвигами в социальных порядках как внутри языкового сообщества, так и в его социальном окружении – в его конфликтных, обменных или кооперативных контактах.

Части и черты социальных порядков, в свою очередь, являются воспроизводимыми в поколениях следствиями принятых когда-то социальных, культурных, ментальных стратегий, отвечавших на внутренние и/или внешние вызовы. Важнейшие вызовы и ответные стратегии связаны с угрозами или возможностями для базовых забот любого сообщества: безопасности, пропитания, достоинства (статус, идентичность, престиж, легитимность и т. п.), благосостояния, сексуальности, родительства.

Ответные социальные и культурные стратегии используют как уже накопленные обеспечивающие структуры (практики, отношения, институты), так и опыт прежних попыток ответов на вызовы, положительно подкрепляющий успешные ответы и блокирующий ответы, ассоциируемые с провалами, бедствиями.

Чем сложнее складываются итоговые практики, отношения и институты (ритуальное разнообразие, число разных ролей, позиций, действий, правил), тем более требовательными оказываются коммуникативные заботы к точности, убедительности сообщений, полноте учета обстоятельств, красоте, импрессивности речи и т. п. Соответственно увеличивается сложность языковых конструкций, обеспечивающих эти заботы.

Если же ответные стратегии по каким-то причинам ограничивают и даже сокращают число разнообразных элементов социального порядка, то требовательность коммуникативных забот к вышеуказанным качествам речи закономерно снижается, что ведет к сохранению простоты языка или даже к его упрощению.

Экономика отложенной реципрокности – драйвер развития языка в верхнем палеолите

Быстрый, впечатляющий и уже неостановимый прогресс в технологиях начинается с переселения ранних сапиенсов в Евразию, особенно после 50–40 тыс. л. н. Исключено, что в результате какой-то чудесной мутации тогда появился язык, как вслед за Н. Хомским утверждал Д. Бикертон в своих ранних работах (Bickerton 1981), однако сам период верхнего палеолита с явным эволюционным прорывом, несомненно, был значим и для языкового развития.

Археологи и палеоантропологи по понятным причинам склонны связывать когнитивную и языковую эволюцию напрямую с прогрессом в орудийных технологиях. Отрицать такие связи было бы нелепо. Расширение лексики закономерно следовало за ростом разнообразия технического инструментария и расширением ресурсной базы как для пропитания, так и для тех же орудий, прочих изделий (кости, рога, бивни, позже – керамика).

Верхнепалеолитическое развитие было *выражением и следствием усложнения социальных порядков*, которые, согласно развиваемой здесь концепции, всегда ведут к *новым коммуникативным заботам*, а значит, к складыванию обеспечивающих их языковых структур. Само усложнение социальных порядков было тесно связано с развитием орудийных технологий, соответственно, с прогрессом охотничьих и всех остальных практик добычи пропитания, обеспечения остальных базовых забот. Новые изобретенные или заимствованные (у неандертальцев) технологии приводили к *большей эффективности добычи*. Теперь не вся команда взрослых мужчин, но малые группы по 3–5 человек, даже одинокие охотники, рыболовы могли заниматься промыслом.

Ким Стерелни считает, что в позднем плейстоцене произошла экономическая революция: переход от экономики, основанной на дележе добычи сразу на месте, к экономике разнообразных обменов, когда вклад каждого мог быть возвращен значительно позже и в другой форме (Sterelny 2016). Такое реципрокное сотрудничество вполне может быть взаимовыгодным и стабильным, что вполне подтверждают антропология и этнография охотников-собирателей (Джонсон, Эрл 1917).

При переходе к верхнему палеолиту шла коренная смена социальных взаимодействий, связанных с обменами, обязательствами и престижем. Все это происходило в нормативной, институциональной и коммуникативной среде, которая неизбежно трансформировалась. Появились новые заботы осмысления, обозначения и удержания в памяти прошлых взаимодействий, соответствующих отношений вокруг сделанных кем-то когда-то «даров» и последующих должных им «отдаров».

К. Стерелни называет новые требования к коммуникативным способностям участников взаимодействия.

Возможно, более принципиально то, что в мире прямого и косвенного взаимного обмена участникам взаимодействия (agents) необходима возможность отслеживать и описывать свой вклад и вклад других, а также определять этот вклад во времени и пространстве. Участникам следовало избегать того, чтобы их считали «халявщиками», важно было остерегаться таких обвинений <...> им также были необходимы лингвистические ресурсы, чтобы недвусмысленно заявлять о своих прошлых вкладах и ожиданиях на отдачу в будущем. Более того, очень важную роль играла личная репутация для установления и стабилизации практики сотрудничества, основанной на реципрокных обменах, поэтому участники взаимодействия должны были иметь возможность указывать третьим сторонам на действия других и на контекст этих действий (Sterelny 2016).

Как видим, здесь фактически развивается практика дистантного нормативного контроля. Группа, доминирующая коалиция, клика или даже отдельная семья отслеживает не только правила, запрещающие междоусобное насилие, кражи или грабеж, но также ставшие крайне важными *правила реципрокности*.

Тогда же стало развиваться разделение труда, ранее связанное преимущественно с половозрастными категориями. Каменные технологии достигли в верхнем палеолите такого уровня, что острые,

легкие и прочные наконечники, составные орудия стали изготавливаться настоящими профессионалами, которые целенаправленно подбирали учеников и долгие годы готовили себе смену. Об этом можно судить по наблюдениям за порядком изготовления каменных орудий, которым никак не уступают в искусности обработки археологические образцы. Антрополог Дитрих Стаут в деревне на отдаленном плато в Иране в 1999 г. детально описал такое производство (Stout 2002: 696).

Мастера верхнего палеолита уже не были обязаны каждодневно добывать себе пищу охотой, рыболовством, собирательством, их вклад включался в сложные отношения дележа и обмена. Разумеется, профессиональное обучение требовало своих языковых, особенно дополнительных лексических средств (Laland 2017).

К той же эпохе диверсификации отношений внутри групп и между группами следует отнести *усложнение систем родства*. О значимости этой сферы, составлявшей во всех догосударственных обществах основу отношений солидарности, сексуальности, экономики, власти, военной мобилизации, ритуальности, в антропологии написано так много, что на этом пункте можно не останавливаться.

В порядках такого рода все сферы социального взаимодействия (и в их числе экономика добычи, распределения, обменов, обязательств) тесным образом связаны с престижем – статусом, репутацией, уровнем группового членства, стратификацией. Есть свидетельства о развитии социальной стратификации уже в эпоху средних сапиенсов (40–20 тыс. лет назад); например, в местечке Сунгирь есть погребение с роскошными изделиями, в том числе с 3 тыс. прекрасно выполненных четок из кости мамонта (Фитч 2013: 312).

В ту же эпоху верхнего палеолита началось чуть ли не массовое производство керамических «венер», а это уже технология глубокой переработки, также требующая высокого мастерства. Сами же «венеры», вне зависимости от их предназначения, точно участвовали в процессах обмена, в отношениях дара-отдара, что опять же добавляло сложности во внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии, требовало средств взаимопонимания на вербальном уровне.

Широкое распространение получают *сплетни*. На этой вербальной арене борьбы за престиж, скорее всего, уже широко использовался так называемый «макиавеллиевский разум» (Byrne 1996; Gavrillets, Vose 2006).

Итак, новая экономика с косвенными и отложенными обмена-ми, обязательствами, расширенные межгрупповые связи, формирование систем родства, множественные арены конкуренции за престиж и влияние – все это рождало новые коммуникативные заботы, сильную мотивацию речевых проб, а значит, развитие новых надстроечных языковых структур, таких как рекурсия и риторические украшения.

Разумеется, все последующие сдвиги в социальной эволюции – переход к неолиту и варварским вождествам, к государственности, империям, модерну – вносили свой вклад в усложнение социальных порядков. Соответственно, рождались новые коммуникативные заботы, которые вели в том числе и к усложнению языков.

Речевая самопрезентация и языковая «избыточность»

Важное отличие полисемии, грамматических структур, тем более риторических украшений (сравнений, метафор, метонимии и прочих тропов) от синтаксиса состоит в том, что последний необходим для логического увязывания смыслов, тогда как без первых, вообще говоря, можно было бы обойтись, если бы задача состояла только в максимально сухой передаче основной информации.

Непонятно, какую пользу для выживания могли бы принести многие уникальные способности нашего разума, такие как юмор, сочинительство, образное мышление, искусство и витиеватый язык, содержащий намного больше слов, чем это необходимо для выражения самой сложной мысли (Миллер 2000: 13).

В шифровках, сообщениях «телеграфного стиля», как правило, полисемию не используют, а в строгих искусственных языках (математических формализмах, языках программирования) грамматика вообще излишня, полисемия запрещена, тогда как правила синтаксиса (порядок знаков, расстановка скобок и других служебных знаков) соблюдаются чрезвычайно строго.

В некотором смысле полисемия и грамматика – как правила согласования словоформ – являются «украшениями», маркерами богатства и «правильности» речи. Сравнение с материальными украшениями оказывается неслучайным. Напрашивается мысль о некоей общей причине, которая привела не только к украшательству лиц, тел, бытовых вещей, но и к украшательству речи.

Заботы индивидов о своей самопрезентации уходят корнями в самую далекую древность – ко временам запрета на междоусобное

насилие, а особенно к эпохе складывания традиций совместных трапез, общих собраний, ритуалов и празднеств (Бикертон 2012). Здесь речь идет о конкуренции за социальный статус, престиж, уровень группового членства среди себе подобных, об эротической привлекательности для лиц противоположного пола, о маркерах власти, влияния, принадлежности к привилегированной группе (Миллер 2000; Gavrilets, Vose 2006).

Почему же явный взлет украшательства в материальной культуре (и предположительный в развитии языка) произошел именно в эпоху зрелого верхнего палеолита? Наиболее правдоподобными представляются следующие причины.

- Вероятно, еще в африканской ситуации высокой плотности, в связи со складыванием межгрупповых альянсов, соответствующим расширением круга социальных взаимодействий, *прежняя эгалитарность стала подвергаться коррозии*. Вожди, успешные переговорщики, военные герои, старейшины, ведуны, члены групп, захвативших богатые ценными ресурсами территории, стали выделяться на общем фоне. Любые дары или обмены тут же выделяли получивших их как обладателей чего-то экзотического, причем с маркером причастности к важным отношениям с другими группами. Потенциальные женихи и невесты из этих слоев и семей стали более привлекательными, а значит, усилились стимулы к конкуренции через самопрезентацию и обозначения разными маркерами своего особого статуса.

- В самой Африке эти мотивы не получили яркого материального выражения (о котором можно было бы судить на основе археологических данных), поскольку довели заботы защиты территорий, войны, заключения и поддержания альянсов; кроме того, трудности добывания пищи из-за высокой плотности населения (с учетом образа жизни охотников-собирателей) не оставляли времени и сил на украшательство; разве что стала активнее использоваться охра (при погребениях, но вполне вероятно, что раскрашивались и тела при жизни).

- Зачатки социальной иерархии, конкуренция на брачном рынке между семьями и индивидами, соответствующие заботы самопрезентации сохранялись и при переселении из Африки в Евразию.

- Вероятно, вплоть до начала неолита (около 12–10 тыс. л. н., по-разному в разных регионах) степи Евразии изобиловали стадами крупных травоядных, время и силы освободились для обеспечения забот самопрезентации.

- Ручное мастерство как особая *волшебная палочка* (гибкая и полифункциональная обеспечивающая структура) стало применяться не только к орудиям, необходимым в практической жизни, но и к предметам ритуалов, развлечений, игр, украшения.

- Расширялся круг профессионалов; технологии, ручное мастерство быстро прогрессировали вследствие сочетания новых забот, заимствованных у старожилых практик, собственного накопленного потенциала способностей. Речь, будучи особой когнитивной, коммуникативной и презентационной *волшебной палочкой*, также более активно включилась в заботы досуга и повышения собственного престижа; соответственно получали более широкое развитие всевозможные ритуалы, развлечения, игры, ухаживания и эротические переговоры, макиавеллиевские интриги и риторика с претензиями на лидерство.

Действительно, полисемия и грамматические согласования хоть и не обладают кардинальной прагматической значимостью для информирования (как синтаксис), но отнюдь не бесполезны, *когда спектр коммуникативных забот расширяется*. Тонкость смысловых нюансов при подборе слов, яркость и сочность лексики, гладкость и *правильность* речи – все эти риторические достоинства обеспечивают весьма обширный круг забот самопрезентации, главные из которых перечислены выше.

Правильность может появиться и проявиться, только когда складываются речевые правила. Синтаксис как комплекс структур, обеспечивающих передачу логических связей между смыслами, обретает управляющие функции: слова, попадающие в определенные ячейки этих структур, вынуждены «приспосабливаться» и видоизменяться. Это происходит при обретении правилами статуса *культурных образцов*, которые транслируются в поколениях.

Сами же правила, по всей вероятности, формировались как подсознательные побочные продукты «образцовых» речей – особо успешной и впечатляющей риторики, которой стремились подражать. Отступление же от этих образцов, нарушение соответствующих правил со временем стало восприниматься как неуклюжая, неумелая речь, провальная в плане стремлений оратора к повышению или удержанию своего престижа как уровня группового членства.

Именно с заботами самопрезентации следует связать появление всевозможных риторических, казалось бы, «избыточных», добавок к языку: от простых тропов типа метафоры и метонимии до посло-

виц и поговорок, развернутых зачинов к рассказам, усложненных оборотов, многоступенчатой рекурсии и т. д.

Однако отнюдь не все языки были обязаны обрести «излишества».

Образец простоты – язык пираха

Объяснение языковой сложности должно быть соотнесено с наличием весьма простых естественных языков. Среди них есть настоящие чемпионы простоты, некоторые из них стали знаменитыми. Таков язык племени южноамериканских индейцев *пираха*, который описал Дэниел Эверетт с целью опровержения постулатов Н. Хомского (Эверетт 2016). Перечислим выделенные Эвереттом наиболее яркие черты этого языка:

- в фонетике *пираха* есть удивительно малое число «обычных» фонем, хотя есть различительные функции у тонов и длительности;
- при этом используются дополнительные «каналы дискурса»: свист, мычание, пропевание, крики; сам Эверетт уверяет, будто через эти каналы можно передать любую информацию;
- в лексике нет специальных обозначений цвета; вместо них используются описательные выражения («похожий на кровь» – для красного цвета, «незрелый» для зеленого);
- нет числительных (есть относительные термины в порядке увеличения *h'oi*, *ho'i* и *ba'agiso*, выбираются термины по ситуации, один предмет всегда *ho'i*, но тем же словом могут обозначаться и другие количества);
- нет грамматических маркеров для различения единственного и множественного числа;
- нет сравнительных степеней признаков: нельзя сказать «эта вещь больше той»;
- нет специальных слов, означающих время суток (ночь, день, утро, вечер, полдень);
- нет слов для кванторов, весьма бедны термины родства, нет понятий правого и левого (вся ориентация – по реке);
- используется весьма простой синтаксис, особенно в сравнении с конструкциями Н. Хомского; повествование ведется рублеными простыми предложениями; соответственно, нет союзов «и», «или»; нет дизъюнктивных связей, нет рекурсии;
- фразы на *пираха* – это вопросы, утверждения либо приказы; нет специальных формул вежливости, нет даже слов «спасибо», «извини» и т. п. (Эверетт 2016).

Уже после дискуссии о племени пираха, его языке и культуре многие исследователи указали на неуникальность пираха, на сходные черты во многих других, впрочем, тоже довольно экзотических языках (Алпатов 2018; Бородай 2020).

Язык и культура пираха как обеспечивающие структуры: реконструкция ниш и забот

Выше была представлена незамысловатая простота языка пираха – вызывающая экономность его лексических, синтаксических и риторических средств (с единственным исключением – богатством глагольных форм).

Сам Эверетт объясняет особенности языка пираха «принципом непосредственности восприятия», тем, что племя живет «одним днем»: не запасает пищу, не строит прочные дома, не интересуется ни прошлым, ни будущим, ни происходящим за пределами своей привычной жизни, доверяет только непосредственно увиденному, в крайнем случае – рассказам очевидцев. Таким образом, почти все заботы членов племени являются «короткими» – привязанными к ситуациям «здесь и сейчас», что определяет простоту коммуникативных задач, а значит, и простоту языковых средств.

Индейцы пираха спят не ночью, а урывками в течение всех суток, поэтому разделять день и ночь им не нужно. Числа и цвета отнюдь не являются универсалиями, если нет нужды что-то точно считать по штукам, то не нужны числа. Если нет химических красителей, то различать цвета в джунглях целесообразно только в конкретных ситуациях, например для определения зрелости плодов, поэтому для зеленого цвета достаточно слова, означающего «еще незрелый». Нет сложной терминологии родственных отношений, поскольку нет сложной системы родства.

В чем племя пираха действительно можно считать уникальным, по крайней мере в Амазонии, так это в его способности долгое время сохранять свой исконный образ жизни, свою культуру и язык. В этом плане требуется объяснение этой особенности в сравнении с большинством остальных индейцев Амазонии, которые уверенно встали на путь включения в бразильское общество с обучением в школах, переходом на португальский язык, освоением обычной одежды, жизни в домах, товарно-денежных отношений и т. д. Так, ближайший к пираха язык племени *мур* попросту исчез в результате полной языковой и культурной ассимиляции.

Критики Д. Эверетта отмечали, что женщины пираха утром планируют занятия на этот день, а значит, вполне способны выхо-

доть за пределы ситуации «здесь и сейчас». Индейцы спрашивали у Эверетта (правда, у него в гостях, а не на публике): «Эй, Дэн, а американцы умирают?» Таким образом, «принцип непосредственности восприятия» не абсолютен, скорее, представляет собой групповую норму и принятые индивидуальные установки сознания и поведения. Вместе с тем наблюдения Эверетта об устойчивом настрое индейцев пираха на «непосредственность восприятия» во многом справедливы, поскольку подтверждаются множеством мелких эпизодов и до сих пор не опровергнуты.

Остается вопрос: как и почему появились весьма необычные черты и правила жизни пираха? Воспользуюсь базовой конструкцией *порядки – заботы – структуры* (см. выше).

Каждое племя охотников-собирателей при столкновении с колонизаторами, а затем оказавшись внутри государства доиндустриальной, а потом уже индустриальной стадии развития, попадает в нишу с огромным внешним давлением, причем не только геополитическим (чужаки вытесняют с земель), политическим (они начинают командовать, принуждать), экономическим (приходится участвовать в обменах, всегда несимметричных, невыгодных или даже унижительных), но и культурным (чужаки навязывают свой язык, свою религию, свое образование и воспитание, свои правила жизни).

Эти суровые вызовы вкупе с базовой заботой выживания приводят к разным ответным стратегиям, факторы выбора которых толком до сих пор не исследованы. Можно предполагать, что главную роль играют успехи или проигрыш в прошлой истории сопротивления, опыт соседних племен, уровень внутренней консолидации, приверженности своим обычаям и идентичности.

Об истории пираха мало сведений из-за их прежней затерянности в глубинах Амазонии. Известно только, что в течение примерно 300 лет они как бы застыли в своем состоянии, тогда как соседние племена в большей или меньшей степени ассимилировались – вошли в состав бразильского общества.

То ли из-за разочарования от прежних попыток насильственного сопротивления, то ли из-за наблюдения за судьбой соседних племен, принявших путь ассимиляции, то ли из-за особо высокой внутренней сплоченности и этноцентризма (пираха называют себя «прямоголовыми», отличая себя от всех остальных людей – «кривоголовых»), то ли вследствие сочетания этих и каких-либо дополнительных факторов эти индейцы приняли особую ответную стратегию, которую назовем «культурно-ментальной самоизоляцией».

Культура пираха пронизана чувством своего племени. Они сразу отмечают, что у чужаков этого чувства нет: на их глазах бразильцы обманывают и обижают бразильцев, а американский папа может побить ребенка (Эверетт 2016: 83).

Они считают себя одной семьей – семьей, в которой каждый член обязан защищать всех остальных и заботиться о них. Это не значит, что они всегда соблюдают собственные правила. Все общества нарушают правила. Однако эти исключения лишь подчеркивают норму – принцип взаимопомощи, который в других культурах встречается относительно редко (Там же: 114).

Изоляция пираха вызвана ощущением собственного превосходства и презрением к прочим культурам. Они не считают себя ниже других оттого, что у них нет чего-либо, имеющегося в других языках и культурах, наоборот, они считают собственный образ жизни лучшим из возможных. Они совершенно не желают перенимать чужие ценности, поэтому культурные и языковые заимствования почти не просачиваются в пираха (Там же: 263).

Эта стратегия, разумеется, не была целостным осознанным планом, она складывалась через пробы и механизмы фиксации, но в результате был выработан целый комплекс структур, обеспечивавших вполне определенную заботу – *сохранить себя, свою «прямоголовую» идентичность, не вступая в прямое насильственное столкновение с превосходящими внешними силами, поддерживая с ними отношения удобными и приемлемыми для себя способами.*

Все, что столь удивляло Д. Эверетта и продолжает удивлять читателей его описаний, оказывается элементами нескольких структур, обеспечивающих эту заботу племени пираха.

- *Говорить только на своем языке*, не переходить на доминирующий вокруг португальский, желательно и не учить его вовсе, мягко, насколько возможно, сопротивляться обучению своих детей чему-то чуждому; не осваивать даже числа, хотя они бывают нужны в торговле с бразильцами.

В мире было и остается много языков с крайне скудными системами числительных, однако люди, на них говорящие, умеют считать и (под социально-экономическим давлением) позаимствовали в окрестных языках числительные для торговли. Таковы, например, австралийские аборигены из племени вальбири (Warlpiri). Пираха же, несмотря на двести с лишним лет торговых сношений с бразильцами, не позаим-

ствовали ни одного числительного, чтобы облегчить себе торговлю (Эверетт 2016: 238).

• *Считать неважным, неинтересным, не стоящим внимания все, что не служит каждодневным нуждам племени, что относится к другим местам и временам, что не удостоверяется непосредственным опытом очевидца.*

...Миссионеры пытаются обратить их в христианство уже больше двухсот лет. С самого первого описанного контакта с племенем пираха и родственным племенем мура, в восемнадцатом веке, у них сложилась репутация «упорствующих в заблуждении своем»: за всю историю не известно ни одного индейца пираха, который перешел бы в христианство (Там же: 291).

• *Поддерживать солидарность племени:*

– *строгим запретом* не только на междоусобное насилие, но и на *длительные ссоры, гнев* друг на друга.

Кохои однажды сказал мне: «Отец мне говорил: он видел, как его отец убивал других индейцев. Но сейчас мы так не поступаем. Это плохо» (Там же). «Ты не будешь мстить Каапаси? – спросил я. – Ты о чем? – удивленно переспросил Каабооги. – Что ты будешь делать, раз он застрелил твою собаку? – Ничего. Я не сделаю плохо брату. Он повел себя как ребенок. Плохо поступил. Но он пьяный, у него голова не работает. Зря он мою собаку убил. Она мне как ребенок. Даже если их разозлить, как сейчас Каабооги, индейцы пираха умеют отвечать на обиду с терпением, любовью и пониманием – редко где еще я видел подобное (Там же: 114).

Смешки и ухмылки – неотъемлемая часть процесса, так как для индейцев самое ужасное прегрешение – это гнев. Женщины тоже нередко изменяют. Если это случается, мужчина идет искать жену и может обругать соперника или даже угрожать ему. Однако проявлять насилие к кому бы то ни было, к взрослым или детям, у пираха нельзя ни в коем случае (Эверетт 2016: 117).

– *обязательной взаимопомощью* (делятся пойманной рыбой, охотничьей добычей, дают друг другу лодки, помогают восстанавливать разрушенные постройки и т. д.);

– *свободным отношением к браку, изменам, разводам, сексу*, в результате чего каждый в течение жизни имеет опыт сексуальной связи почти с каждым соплеменником противоположного пола, а это действительно делает пираха одной дружной семьей.

Ваша супруга – это тот человек, который, как по умолчанию предполагается, живет с вами. Подобно рису с фасолью, охотнику с собакой, матери с ребенком, супруги – это единицы общества, которые связаны культурной связью. Однако культура не требует от вас взять одного «каги» на всю жизнь (Эверетт 2016: 115–116).

Раз Кохои, сильный мужчина и бесстрашный охотник, пролежал так весь день, позволяя жене колотить его сколько угодно (через три часа я снова проходил мимо и обнаружил их в той же позиции), значит, это наказание хотя бы отчасти добровольное. Однако, с другой стороны, это был способ загладить вину, предусмотренный в культуре. С тех пор я видел и других мужчин, которых таким же образом наказывали жены (Там же: 117);

Поскольку развод не считается предосудительным и случается часто, танцы и пение могут сопровождаться сексуальной близостью, а молодежь занимается сексуальными экспериментами сразу по достижении половой зрелости или даже раньше, разумно предположить, что за свою жизнь многие индейцы успевают переспать с большей частью всего племени. Уже одно это означает, что их общественные отношения будут несравненно теснее, чем в более крупных социумах (Там же: 103).

Функциональность этих практик для обеспечения вышеуказанной заботы сохранения культурной и ментальной идентичности достаточно очевидна и не требует пояснений. Другие экзотические черты, отмеченные Эвереттом, могут быть случайными, побочными, детерминированными жизнью в джунглях, но вполне вероятно, что и они вносят свой вклад в принятую стратегию.

- Свободное отношение к сексу касается не только внутренних отношений между соплеменниками, но *мужчины пираха совершенно спокойно относятся к тому, что их женщины расплачиваются сексом за товары из внешнего мира, а потом беременеют от чужаков* и приносят детей явно неместного вида; здесь особенно разителен контраст с обычной агрессивной реакцией самоизолирующихся племен на любые поползновения извне в этой сфере; однако товары полезны для всех, не надо ни с кем воевать, подвергать себя опасности, портить отношения с внешним окружением, дети от чужих биологических отцов воспитываются как пираха и становятся настоящими пираха; объективно такая практика уберегла племя от вырождения, хотя сами индейцы вряд ли об этом когда-либо задумывались.

- Сон урывками в течение суток можно, конечно, объяснить обилием змей, нуждами ночного рыболовства, однако другие племена, живущие в сходных условиях, в таком режиме сна и бодрствования не замечены; похоже, этим способом пираха утверждают свою «прямоголовость»; специфический режим каким-то внутренним образом связан с жизнью «здесь и сейчас» (без больших перерывов на ночь) и замеченными Эвереттом, другими наблюдателями удивительными настроениями бодрости, довольства, даже счастья у этих индейцев, которые, по обычным понятиям, живут в крайней бедности при необходимости каждодневно добывать себе пропитание в полных опасностей джунглях.

Я никогда не слышал от индейца пираха, что он беспокоится. На самом деле, насколько я могу судить, в языке пираха нет слова «беспокойство». Одна группа исследователей, приехавших к пираха, – психологи с кафедры нейробиологии и когнитивистики Массачусетского технологического института – отмечали, что не видели народа счастливее, чем пираха (Эверетт 2016: 299).

- Стойкость к голоду и ценность «закаленности», разумеется, являются структурами, прежде всего компенсирующими нестабильность пропитания; однако специально поощряемая стойкость вкупе с отказом делать любые запасы и попадать в какое-либо подчинение чужакам имеет уже не только экологическую, но и социокультурную значимость; такие нормы и установки выражают некий глубинный принцип идентичности пираха, который можно выразить такой формулой:

...жить одним нескончаемым днем и оставаться свободными от тревог остаться голодными, от долговременных забот, от внешнего принуждения; ну а пропитание – да, надо добывать каждый день, причем дружно и радостно, для чего требуются как раз стойкость и закаленность; ...ни одно другое племя Амазонии не обходится без соления и копчения. А пираха съедают все без остатка сразу, как добудут еду. Для себя они запасов не делают: остатки еды доедают, пока ничего не останется, даже если мясо начинает портиться. Корзины и еда – это краткосрочные проекты (Там же: 90).

- Пираха начинают общаться с чужаком, желающим пожить среди них, даже видеть его, только когда дают ему привычное для них имя, причем то же, что уже принадлежит наиболее похожему на чужака члену племени по возрасту и внешности; тем самым че-

рез свой язык и свои имена они как бы ментально «присваивают» чужака; он уже понятный, пусть неполноценный («кривоголовый»), не умеющий ни говорить, ни рыбачить, ни охотиться, но уже культурно не опасный; его можно терпеть, даже учить языку, тем более когда у него есть много полезных для племени лекарств, консервов и пр.

- *Пираха несколько раз в жизни сами меняют свои имена*, поскольку становятся старше, причем речь идет не о принятии уважительных форм (как у нас добавляют при обращении отчество, а в других местах почтительные *-оглы*, *-сан* и т. п.), а именно о принятии нового имени; это имя берется из того же традиционного пула имен и относится к подходящему достигнутому возрасту; этот странный обычай следует связать с принципом «нескончаемого счастливого дня» (см. выше), а также с печальной краткостью жизни индейцев пираха, которые вследствие подстерегающих в джунглях опасностей, болезней редко доживают до 45–50 лет; похороны в этом племени крайне скромные, почти лишены ритуальности; сразу после них жизнь идет своим чередом; имя умершего уже присвоено или вскоре будет присвоено другому «старика»; все идет по-прежнему (!), будто никто и не умирал.

...Индейцы пираха способны только на высказывания, соотнесенные с тем моментом, когда эти высказывания произносятся, а не с каким-либо другим временем. Это не значит, что как только кто-то умрет, пираха, общавшиеся с ним, забудут все, что он им рассказывал. Но обсуждать его историю они будут нечасто (Эверетт 2016: 143).

Назовем эту языковую стратегию, из почтения к Эдуарду Сепиру – автору идеи лингвистической относительности – *«сепировской остановкой мира»*, поскольку замкнутая сетка личных имен, индифферентная к рождениям, смертям, вообще изменениям и истории делает внутренний социальный мир племени (единственно важный для каждого его члена) как бы застывшим, а потому – особенно прочным, защищенным от внешних возмущений.

- *В деревнях пираха нет обычной общей площадки для собраний и ритуалов*; индейцы постоянно собираются группами разного состава, обожают болтать друг с другом, подшучивать, смеяться, но не приемлют никаких особых церемоний, проповедей, наставлений, специальных коллективных обсуждений с принятием решений и т. п.; это вовсе не означает отсутствия у них нормативности; для передачи, восприятия и контроля правил поведения им вполне до-

статочны таких средств, как насмешки; в крайних же случаях они перестают делиться едой с нарушителем, не дают ему лодку для рыбалки или вовсе выселяют – подвергают остракизму, что бывает крайне редко; вновь здесь действует паттерн большой дружной семьи, в жизни которой не нужно ничего, напоминающего формальные собрания, политические речи, моральные нотации, судебные разбирательства или официальные вердикты; не исключено, что когда-то они каким-то образом отказались от такого рода практик, как отказались от внутреннего насилия и мести ревнивцев; так или иначе, стимул развивать риторику убеждающих речей у пираха либо изначально отсутствовал, либо угас.

Языковая простота пираха имеет свое значимое исключение – сложность глаголов. В них используются маркеры эвиденциальности. С помощью таких маркеров говорящий оценивает свое знание о предмете разговора: видел ли сам, или передает чужие слова, или сделал вывод умозаключением. В каждом глаголе могут присутствовать до 16 суффиксов подряд (Эверетт 2016: 211).

Ищем исходную сложность в практиках и сразу же ее находим. Каждодневное добывание пищи в джунглях требует большого опыта, внимательных наблюдений, тонкости и искусности действий, о чем необходимо рассказывать соплеменникам. Ведь опыт надо передавать, кроме того, всегда невредно похвалиться своими особыми умениями, удивить рассказом о чем-то необычном, опасном или привлекательном, убедить в достоверности рассказа.

Итак, простота языка пираха во многом обусловлена издавна принятой племенем *культурно-ментальной стратегией сохранения идентичности*, что позволяло ему в течение столетий сохранять мирные, бартерные отношения с социальным окружением, но не подвергаться ассимиляции. Важной частью стратегии является «принцип непосредственного восприятия» – почти исключительное внимание к ситуациям «здесь и сейчас», к тому, что прямо касается сегодняшних забот. Соответственно, блокируются интерес, любопытство, доверие ко всему внешнему, дальнему как в пространстве, так и во времени.

Эта специфика коммуникативных задач обусловила и особенности языка с простым синтаксисом, но с маркерами эвиденциальности – сложной системой уточнения характера действий глаголами. Такой язык вполне адекватен нуждам пираха и не требует дополнительных конструкций.

Итак, рост сложности и сохранение простоты языка объясняются на основе одной и той же теоретической конструкции, что подкрепляет ее правдоподобие и эвристичность.

Литература

Алпатов, В. М. 2018. Почему у книги Д. Л. Эверетта такой резонанс? *Российский журнал когнитивной науки* 5(1): 10–13.

Бикертон, Д. 2012. *Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей*. М.: Языки славянских культур.

Бородай, С. Ю. 2020. *Язык и познание: Введение в пострелятивизм*. М.: Языки славянских культур.

Даль, Э. 2009. *Возникновение и сохранение языковой сложности*. М.: ЛКИ.

Джонсон, А., Эрл, Т. 2017. *Эволюция человеческих обществ. От добывающей общины к аграрному государству*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

Миллер, Д. 2000. *Соблазняющий разум. Как выбор сексуального партнера повлиял на эволюцию человеческой природы*. М.: Corpus (ACT).

Розов, Н. С. 2021. Детство языка в антропогенезе: от первых прото-слов – к ситуативным протофразам. *Ценности и смыслы* 3(73): 27–42.

Фитч, У. Т. 2013. *Эволюция языка*. М.: Языки славянских культур.

Эверетт, Д. 2016. *Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей*. М.: Языки славянских культур.

Bickerton, D. 1981. *Roots of Language*. Berlin: Language Science Press.

Byrne, R. W. 1996. Machiavellian Intelligence. *Evolutionary Anthropology* 5(5): 172–180.

Gavrilets, S., Vose, A. 2006. The Dynamics of Machiavellian Intelligence. *Proceedings of National Academy of Sciences USA (PNAS)* 103: 16823–16828.

Laland, K. N. 2017. *Darwin's Unfinished Symphony. How Culture Made the Human Mind*. Princeton University Press.

Sterelny, K. 2016. Cumulative Cultural Evolution and the Origins of Language. *Biological Theory* 25 July: 173–186.

Stout, D. 2002. Skill and Cognition in Stone Tool Production: An Ethnographic Case Study from Irian Jaya. *Current Anthropology* 43 (5): 693–722.